

ГЛАВА 1

— Сыч, патруль!

Серая личность в кепке спрыгнула с фундамента, пронеслась вдоль здания и скрылась за углом.

Решетка на окне продмага заметно покосилась, но держалась. Несколько минут они упорно выворачивали ее из кирпичной стены и упрямились бы с этим делом, если бы не досадная заминка.

Лунная ночь накрыла город. По небу плыли перистые облака. Погода для начала лета была вполне сносной.

Задняя сторона здания выходила в узкий проулок. По обеим его сторонам тянулись бетонные заборы.

Гулко отдавались шаги. Из-за поворота показался патруль — солдат, ефрейтор и сержант. В лунном свете поблескивали пуговицы на гимнастерках, звездочки на фуражках с синими тульями. В ночное время город патрулировали подразделения НКВД по охране тыла действующей армии.

Четыре месяца назад, 8—9 февраля 1943 года войска Воронежского фронта генерал-лейтенанта Голикова освободили Курск. Преступность в городе цвела махровым цветом. Ни патрули, ни приказ расстреливать на месте не могли ее остановить.

Патруль вошел в переулок. За спинами бойцов покачивались карабины Мосина, принятые на вооружение еще в тридцать восьмом году. Первым шел сержант. Внезапно он остановился, поднял руку. Патрульные замерли. По их напряженным лицам блуждали тени.

Сержант медленно повернул голову и уставился на решетку складского помещения продовольственного магазина, находившуюся у него под боком. Он включил фонарь. Луч света забежал по облезлой штукатурке и ржавым прутьям. Там, где штырь сварной конструкции вгрызлся в стену, кладка была раскрошена. Однако сержант не обратил на это внимания.

Город спал беспокойным сном. Он еще не оправился от пятнадцати месяцев оккупации. С южной окраины доносился невнятный гул. Где-то в глубине кварталов прозвучала автоматная очередь, потом там же гавкнула собака.

— Все в порядке? — спросил ефрейтор, стоявший за спиной сержанта.

— Да, пошли, — сказал начальник патруля и двинулся дальше.

Подчиненные потянулись за ним и вскоре скрылись из виду. Несколько минут округа помалкивала. Потом из-за угла обрисовались два нечетких силуэта.

Один воришка глухо хихикнул и проговорил:

— Обделался ты, Дося? То ж тупые винтовые. Они дальше носа не видят, и в ушах у них за-тычки, а ты весь вспотел, капля на носу висит. Да и запашок от тебя убойный. Струхнул, по-дельник?

— Жало завали, Сыч, — процедил второй. — И вообще за метлой следи. Сам ты обделался. Чего им надо тут? Странные они какие-то. Патрули всегда по проспектам и бульварам ходят, там светлее и неопасно. А эти в глушь залезли. Ладно, хрен с ними. Ты уверен, что дело верное?

— Верное, Дося. — Ночной воришка пристально вглядывался в темноту. — Лялька, кошка блатная, мамой божилась, что добыча золотая будет. Коньяк и тушенку сюда привезли, рыбные консервы, еще какой-то дефицит. Директор половину заныкал, чтобы барыгам на черный рынок сдать, в подвал спрятал. Решетку я почти сделал, Лялька говорит, там комната, рядом лестница. Мы будем в шоколаде. Гребем добро и сваливаем отсюда. Сторож на ухо тугой. Он на другой стороне сидит, в каморке. Ты глушарь взял?

— А то, Сыч! — Его сообщник похлопал себя по оттопыренному карману.

Там лежал мешочек с песком, идеальный инструмент, если хочешь вырубить человека, не доводя дело до греха.

— Ладно, стой на стреме, я пошел. — Воришка на цыпочках припустил вдоль стены, собрался доламывать решетку.

Второй отступил за угол, чтобы не мерцать в лунном свете.

Патруль НКВД продолжал движение. Переулок вывел его на улицу Октябрьскую, застроенную добротными каменными домами. В этой части Курска большинство зданий сохранилось, была восстановлена подача электричества. Воронки на проезжей части рабочие засыпали щебнем, распилили и увезли упавшие деревья.

В два часа ночи улица была пустынной. Откуда-то с южной стороны доносилась стрельба, но она не нервировала. Обычно бывало хуже, сегодня — просто праздник тишины. Пятна мглистого света плыли по плитам тротуара.

В период оккупации здесь был променад. Чуть дальше функционировал кинотеатр «Заря», где для немцев крутили фильмы с Марлен Дитрих, Ольгой Чеховой и Лени Рифеншталь. Работали кафе, рестораны, бильярдные залы, процветали бордели для утоления физиологических нужд голубоглазых арийцев. Сейчас здесь, разумеется, уже не было ничего подобного.

Сержант посмотрел по сторонам и двинулся в восточном направлении. Дома казались безжизненными. Свет в окнах не горел. Комендантский час был в разгаре. Солдаты не разговаривали, шли по маршруту.

Свет фар прорезал тьму. Патрульные сняли с плеч карабины. Старший шагнул на тротуар и хотел было остановить машину, но воздержался. Комендантская полуторка с автоматчиками в кузове прогремела мимо.

— Все в порядке? — крикнул из кабины офицер.

— Так точно, товарищ... — Сержант замялся. Он не видел погоны офицера.

— Счастливой службы! — заявил тот.

Полуторка растаяла, погасли габаритные огни.

Сержант огляделся и буркнул:

— Пошли!

Патруль двинулся дальше. Вскоре из мрака вырос четырехэтажный дом с двумя подъездами. Сохранился он неважно, стены растрескались, лепнина осыпалась с карнизов. Патруль приблизился к зданию.

Поблизости не было ни одной живой души. Растительность, окружавшая здание, создавала экран, глушила отдаленную стрельбу.

Дверь в подъезд отворилась без скрипа. Петли недавно были смазаны. Гостей встретило гулкое парадное, широкие каменные ступени, устремленные ввысь.

Электричество в подъезде не работало. Фонари патрульные включать не стали, поднимались в темноте, держась за перила. Между лестничными маршами в высокие окна просачивался мутный свет, обрисовывал стены, изъеденные разводами. Темнели двери, обитые дерматином. Дом строился еще в царские времена — широкие лестничные марши, объемная вертикальная шахта между пролетами.

Сержант ступил на площадку второго этажа, прислушался и на цыпочках отправился дальше.

Разошлись облака. Ярко-желтая луна заглянула в дом, мазнула светом облезлый подоконник.

Патрульные поднялись на третий этаж. На площадке было три двери. Сержант включил фонарь, убедился в том, что стоит перед нужной квартирой, и собрался постучать.

Тут из ниши, расположенной по соседству, вдруг послышалось утробное урчание.

Тревога! Патрульные скинули карабины с плеч. Старший опять включил фонарь.

В нише что-то ворочалось, бурчало. Это явно была не собака. На полу, свернувшись клубком, лежал небритый мужик в старом пиджаке и клетчатых брюках. Физиономия как у трубочиста. Он сунул грязный кулак под щеку, стонал, чмокал губами, негодуя заурчал, когда луч света уперся ему в лицо.

Патрульные недоуменно переглянулись. По губам кряжистого ефрейтора со шрамом под но-

сом пробежала усмешка. Подался вперед осанистый рядовой, придержал фуражку, потянул носом и отпрянул. От мужика исходил удушливый запах сивухи.

— Бухарик хренов, — пробормотал рядовой. — Нажрался, скотина, в дым, до дома не дошел, если есть у него какое-то жильё. Слышь, синий, ты живой там? — Он пихнул носком сапога скрюченное туловище.

Пьяница замахал руками. Дескать, изыди, сатана.

Сержант колебался. На это он не рассчитывал. Но алкаш был самый настоящий, пробы ставить негде. Находят же такие скоты где-то пойло в это сложное для страны время!

— Что делать будем? — прошептал ефрейтор. — Оставим как есть?

— Может, кончим его? — предложил рядовой. — Ножом по горлу, и молчок, пусть дальше лежит.

— Сдурел? — Сержант поморщился. — Чтобы завтра тут милиция шерстила? Все дело провалить хочешь? Вот зараза, как же он тут некстати. Короче, так. Поднимайте забулдыгу и тащите на улицу. Мы патруль или кто? В кустах бросите, пусть дальше спит, утром не вспомнит ничего. Приголубьте по затылку, чтобы не шумел на весь подъезд.

Сержант нагнулся, преодолевая отвращение, схватил пьяного за ворот. Тот зафыркал, глаза

его открылись, в них проснулось что-то осмысленное.

— Мужики, где я? А вы кто? Вот мать честная, перебрал, кажется, не дошел до дома. Я тут наверху живу. — Он начал возиться, подтянул под себя ноги. — Слышь, братишка, помоги подняться.

Чего же не помочь?

Удар под дых был ослепительный. В горле у сержанта перехватило, он упал на колени, схватился, задыхаясь, за живот. Пьянчуга отпихнул его ногой, чтобы не мешался.

— СМЕРШ! Не двигаться, вы окружены! — забило эхом в подъезде.

Захлопали двери наверху и внизу, выбежали люди. Патрульные бросились врассыпную.

Рослый рядовой устремился вниз, стряхнул с плеча карабин. Он пролетел половину марша, закружился как юла, выстрелил. Пуля оставила вмятину на потолке.

Ответный выстрел отшвырнул солдата к стене. Он отскочил от нее, как резиновый мяч. Пуля пробила ему плечо. Рядовой ударился животом о перила, перегнулся вниз. Бездна поволокла его к себе, распахнула черные объятия.

Солдат перевалился через перила, полетел вниз, махая конечностями. Высота была незначительной, два с половиной этажа, но внизу его поджидал каменный пол. Да и упал он неудачно. Хрустнули шейные позвонки.

Участь ефрейтора была не лучше. Он оттолкнул оперативника, бросился наверх, в три прыжка домчался до площадки между этажами. Там из ниши наперерез ему бросился сотрудник контрразведки. Они столкнулись, как разогнавшиеся автомобили. Ефрейтор был не слабый, но его противник выдержал таран и провёл подножку.

Ефрейтор покатился по длинному пролету, считая ступени. Он упал на каменный пол, разбросал руки. Позвоночник его был сломан. Из раскроенного черепа сочилась кровь.

Сотрудник в штатском скатился следом, нагнулся над телом.

— Готов, товарищ майор.

— И этот готов! — донесся из парадного звонкий голос. — Упал неудачно, товарищ майор!

— Ладно, главного все равно взяли, — сказал офицер, исполнявший роль забулдыги.

Он стащил с себя тужурку, пропитанную си-вушным пойлом, и отбросил ее в нишу. Ему смертельно надоела эта вонь.

Сержант застонал, медленно поднялся, держась за живот, тут же получил кулаком по челюсти и лишился чувств.

— И верно, товарищ майор, пусть полежит, — сказал старший лейтенант Рохлин, обхлопал карманы мертвеца, выудил красноармейскую книжку, стал знакомиться с ней, подсвечивая фонарем.

При этом он так гримасничал, словно читал научную фантастику, потом покосился на командира, который обыскивал бесчувственного сержанта.

— Ну и вонища от вас, товарищ майор! Вы хорошо подготовились, с душой, так сказать.

— Использую специальные средства, Рохлин, — ответил майор контрразведки Вадим Зорин, плечистый мужчина с короткими светлыми волосами.

В карманах сержанта нашлись потрепанные документы, удостоверяющие его красноармейскую сущность, сложенные вчетверо листы с печатями комендатуры. Все они были толковые. Спецы из абвера неплохо научились подделывать официальные советские бумаги.

В просторном подъезде царила убийственная тишина. Из квартир никто не высовывался. Глухие персоны тут вряд ли проживали. Все слышали «волшебное» слово «СМЕРШ».

— Наши на местах, товарищ майор, — сказал, поднимаясь, лейтенант Ефремов, молодой, но перспективный, если не убьют. — Подъезд перекрыт, никто не пройдет ни сюда, ни обратно. Тот тип, который сверзился, вообще в хруст, не подфартило ему. А здорово вы сыграли, товарищ майор, восхищаемся мы вами. — В полумраке сверкнули белые зубы, которые не портила никакая махорка. — Водочка-то целебная оказалась? Как же точно вы рассчитали, что

к резиденту сегодня связные придут. А ведь те еще артисты, под патруль работали. Надо до такого додуматься!

— Фантазия неисчерпаема, Паша. Если мы хотим чего-то добиться, то должны и в этом их переигрывать. Рохлин, остаешься в подъезде! Пройди по квартирам, успокой жильцов, заодно попроси какое-нибудь тряпье, чтобы прикрыть эти мощи. наших внизу предупреди, что может нагрянуть милиция. Гоните ее в шею. Вызвать машину, чтобы забрали тела. Ефремов, со мной!

Сержант зашевелился, приходя в себя. Сотрудники контрразведки СМЕРШ с любопытством разглядывали его. Это был явно не юнец, тридцать с серьезным гаком. Лицо усыпали оспины, короткая стрижка обнажала залысины. Сержантская форма была не новой, но еще не заношенной. Лазутчик открыл глаза цвета болотной мути, шумно выдохнул.

Зорин тут же хлестнул его по скуле. Оперативники перевернули обмякшее тело на спину, стянули запястья его же собственным ремнем.

Отворилась дверь девятнадцатой квартиры.

Оттуда высунулся лейтенант Рябышевский, еще один сотрудник третьего отдела, и деловито спросил:

— Водичкой польем?

— Давай.

Лейтенант вынес из квартиры ведро воды, выплеснул на сержанта. Тот задергался, стал

браниться сквозь зубы. Рябышевский схватил его за шиворот, придал вертикаль и втолкнул в квартиру.

Окна были плотно задернуты. Работал настенный светильник, озаряющий унылую обстановку.

На продавленном канapé восседал грузный человек в исподнем. Это был Василий Тарасович Белоконов, агент абвера с псевдонимом Гром, по совместительству директор автотранспортного треста.

Руки агента были связаны, он смотрел угрюмо, исподлобья. С разбитого носа на несвежую майку сочилась кровь.

— Что это? — не понял Вадим.

— Первая положительная, товарищ майор, согласно медицинской карте, имеющейся в личном деле, — заявил капитан Пьянков, охранявший преступника. — Он с собой собрался покончить, представляете? Воспользовался тем, что я зевнул, дернулся к прикроватной тумбочке. У него там вазочка, аспирин с пирамидоном, какие-то капсулы. Я и моргнуть не успел. Вроде боров, а такая прыть. Руки-то за спиной связаны, так мордой тянется, губами чмокает. Ей-богу, чуть не проглотил. Я успел подбежать, треснул по затылку. Вазочка отлетела, а он носом в тумбочку...

— Я не понял, — заявил Зорин, озирая расколовшуюся вазу и лекарства, разбросанные по полу. — Ты здесь зевать поставлен?

— Так успел же, товарищ майор.

— Что же вы так, гражданин Белоконь? — осведомился майор. — Готовы даже помереть, лишь бы уйти от ответственности. Не пройдет у вас такой номер. По крайней мере сейчас. Потом — пожалуйста. Мы с удовольствием исполним ваше желание, можем даже разнообразить методику. Но сейчас вы нам нужны живым. Что с вами, Василий Тарасович? Смотрите на меня как с иконы.

— Да пошел ты, майор!.. — Белоконь опустил голову, слизнул каплю крови, скатившуюся на губу.

Ефремов втолкнул в гостиную сержанта. Ноги пленника подгибались, сползли штаны, оставшиеся без ремня.

«А что я сделаю? — красноречиво говорил взгляд молодого лейтенанта. — Не буду я ему штаны подтягивать».

Ряженный сержант отрешенно смотрел в пространство. Белоконь поднял на него глаза и быстро опустил. Бледность расползлась по обрюзгшей физиономии.

— Знаете этого человека, гражданин Белоконь?

Директор автотранспортного треста покачал головой.

— Не знаю и знать не хочу. Кто это?

— Как кто? Это ваш связной. К сожалению, выжил только он. Других живых персонажей мы

предъявить вам не можем. Вы же этого гражданина сегодня ждали?

— Я его не знаю.

— Прекрасно вас понимаю. Чем меньше знаешь, тем дольше живешь. Но это не ваш случай, Василий Тарасович. Перед вами гражданин Спиридонов, недавний выпускник Локотской разведывательно-диверсионной школы. Вы не можете об этом не знать, поскольку обучались в той же школе, невзирая на вашу, скажем так, не спортивную комплекцию. Переброска третьего дня прошла с изъясном. Парашютистов заметил патруль НКВД, уничтожил нескольких, в том числе, как считалось, и гражданина Спиридонова. Люди видели, как он утонул в реке.

— Воскрес на третий день? — спросил лейтенант Ефремов. — Мне это что-то напоминает.

— Товарищ лейтенант, в этих случаях нет ничего общего. Ладно, оставим доверительные беседы для более приспособленных мест. Готовьте задержанных к перевозке, товарищи сотрудники. Начальство уже заждалось.

Отдел контрразведки корпуса располагался в старом клубе, по соседству с горкомом партии и городским советом народных депутатов. Никакой таблички на двери не имелось. Сама она находилась на задах дворовой территории, украшенной только часовыми и автомобилем «ГАЗ-4»

с пулеметом в кузове. Учреждение работало круглосуточно.

— Ты сущий буревестник, майор, — с такой недовольства встретил подчиненного полковник Ломакин. — Всегда являешься перед крупными неприятностями.

— Что-то не так, товарищ полковник? Дело сдвинулось с мертвой точки. Вчера мы взяли агента Лилию. Задержание прошло чисто, никто не пострадал. Заместитель председателя горсовета Шнырев свою вину признал и сдал с потрохами соучастников. Начинаем разработку, которая обязательно принесет плоды. Сегодня ночью арестован агент Гром. Он тоже не будет запирается. Улики полностью изобличают его. В интересующем нас месте была устроена засада. Попалась еще одна птица, некий Спиридонов Николай Николаевич, шедший на связь с Громом. Злоумышленники рядились под патруль, что позволило им беспрепятственно пройти весь город. Двое при захвате были ликвидированы, поскольку не представляли интереса. Очная ставка Белоконя со Спиридоновым уже дала результаты. Через несколько часов оба так разговорятся, что от зубов отскакивать будет. Вагнера мы пока не трогаем, ведем за ним плотное наблюдение, ожидаем появления новых лиц. Убежден, проблем при задержании не будет. Что-то не так, товарищ полковник? Вы как-то странно на меня смотрите.

Какое-то время в кабинете висело нервное, напряженное молчание.

Полковник Ломакин был невысокий, угловатый, словно вырубленный топором, причем без дальнейшей чистовой обработки. Голову его венчал седой ежик. Больше всего начальнику корпусной контрразведки удавался суровый взгляд, способный заморозить не только кролика. Честь его удостоиться выпадала не только врагам.

— Ты же родом из Локтя, майор? — нарушил молчание Ломакин. — Из того самого, в Орловской области, где работает абверкоманда, засылающая агентов в наш город?

— Так точно, товарищ полковник! — В горле майора стало как-то сухо. — Я родом из поселка городского типа Локоть. Мой дом стоял на улице Лесной, это окраина Локтя. Я много лет не был на родине. В тридцать первом году я окончил школу, уехал в Орел, поступил в техническое училище. Годом ранее погиб мой отец. Он работал на конезаводе, занимал начальственную должность. Это был несчастный случай, удар копытом в висок. Мама скончалась в тридцать третьем. Обширный сердечный приступ. Я вернулся в Локоть на несколько дней, похоронил ее, оформил всю бюрократию, попросил соседей приглядывать за домом. Десять лет я там не был, товарищ полковник.

— Давай уточним, — как-то нараспев произнес Ломакин. — Для бестолковых, так сказать.

Ты точно не был с тридцать третьего года на родине? Не писал письма, не общался с тамошними жителями? Может, однажды заглядывал, пробегая мимо, так сказать?

— Нет же, товарищ полковник, мимо не пробегал. Жизнь сложилась так, что на родине я больше не был. Нет у меня ни братьев, ни сестер, ни теток с дядьями. Стыдно, конечно. Ведь там могилы моих родителей. Они бурьяном уже заросли.

— Неважный ты сын.

— Нормальный сын, товарищ полковник. — Майор почувствовал укол обиды. — Не хуже других. Но с моей работой, сами знаете.

— Поступил в техническое училище?

— И даже окончил. Оказалось, не моя стезя. По полученной специальности фактически не работал. К нам пришли люди из ОГПУ, искали тех, кто им подходит, предлагали переориентироваться, посвятить свою жизнь служению в компетентных органах. Мою биографию вы можете прочитать в личном деле. С тридцать четвертого года НКВД, служба в особых отделах на озере Хасан, Халхин-Голе. Участвовал в финской кампании, был ранен, полгода провалялся в госпитале, потом опять получил назначение на Дальний Восток, летом сорок первого был переведен в Западную Белоруссию. К тому же мой родной город немцы оккупировали еще осенью того же года.

— Там и находится школа абвера, работа которой нас интересует, — задумчиво повторил Ломакин. — Улица Окружная, фактически окраина, бывшая средняя школа номер четыре поселка городского типа Локоть.

— Я знаю, товарищ полковник. И про среднюю школу, и про абверкоманду, в ведении которой находится данное заведение, и про агента Грача, с которым мы находимся в контакте. Я хочу поинтересоваться, почему вы об этом спрашиваете?

В кабинете снова повисло молчание.

Полковник Ломакин пробовал на прочность карандаш и доигрался. Ценное канцелярское изделие переломилось с сухим треском. Начальник отдела вздохнул, отправил его в мусорную корзину, достал из ящика стола новый.

Локотская школа абвера являлась сравнительно крупным заведением. Ранее она функционировала в польской Галиции, весной сорок второго переехала в Локоть. Это заведение отличалось, красиво говоря, интеллектуальным уклоном, готовило больше шпионов, чем диверсантов. Этим курсантов не выпускали в город, они не имели контактов с другими.

Режим секретности соблюдался строго. Даже немецкий персонал не мог разгуливать по всей школе. В ней работали лишь люди, имеющие специальный допуск.

К немалому удивлению майора Зорина, агент Грач был самым натуральным немцем. Фриц

Карлберг связался с советской стороной еще в далеком сороковом, будучи полевым агентом военной контрразведки. Тогда он служил в Польше, занимался техническим обеспечением разведывательных групп, засылаемых в Советский Союз, в дальнейшем вырос, упрочил свое положение и работал уже с Главным управлением контрразведки наркомата обороны.

Гражданин рейха на службе у советских органов — явление не самое частое. Грача, конечно же, неоднократно проверяли. Человек этот был чист. У него имелись причины предать свое государство. В эти дебри Вадим предпочитал не лезть, знал про отца-антифашиста, трагическую гибель невесты-еврейки, глубокую неприязнь к нацистскому режиму, в котором первую скрипку исполнял черный орден СС.

— Шифрограмма от Грача прибыла неделю назад, — начал повествование Ломакин. — До этого он почти месяц хранил молчание, хотя работал без принуждения. Это наши специалисты выяснили. Смысл послания был таков: на днях появятся сведения из закрытого блока. Это фамилии, клички, личные данные агентов абвера, внедренных в наши тыловые структуры. Возможно, список будет не полный, но на такое счастье мы и не рассчитывали. Грач свой человек в школе, но работает в зоне «А», где обычные классы, преподает радиодело. Допуска в секретную зону у него нет. А теперь, по-видимо-

му, возник канал. Приоткрылась, так сказать, форточка. Подробностей этой благодати мы не знаем. Следующее сообщение пришло через два дня. Это были данные на трех агентов: Грома, Лилию и Вагнера. А также на Спиридонова с его компанией, ползающей по нашим тылам. Сведения верные. Мы взяли двоих. Вагнер из той же оперы, что подтверждает внешнее наблюдение. У агента есть тайник, в котором он регулярно оставляет послания. Эти трое могут не знать друг друга. Они работают по своим направлениям.

— Большое спасибо Грачу, — сказал Зорин. — Хорошо бы поощрить сознательного гражданина Германии.

— Поощрим, когда отвоюем, — буркнул полковник. — Всех наградим, не волнуйся, никто не уйдет. Что ты там стоишь, как сломанный будильник? Тебе особое приглашение нужно, чтобы сесть? Так вот. Через два дня Грач обещал прислать свежие материалы, то есть данные по другим внедренным агентам. Ожидались еще как минимум трое. Видимо, информацию о них он получает последовательно, с временным интервалом, оттого и не шлет ее сплошным массивом.

— Радиограмма не пришла, — сообразил Зорин.

— Какие мы догадливые, — заявил Ломакин. — Да, радиограмма не пришла. После этого миновало еще трое суток. По-прежнему тишина.

— Предположим, не удалось ему добыть нужные материалы.

— На этот случай у нас имелась договоренность. Никакого молчания в эфире. Не удастся получить материалы, возникнет задержка с их получением — обязательная шифровка в центр. Мы должны быть в курсе, а не беситься тут в неведении. Грач молчит неделю. Это не к добру.

— Он лично выходит на связь?

— Да, он все делает сам, помощников не имеет. Помимо Грача у нас в этом районе нет никого. Ты же понимаешь... — Он хотел добавить что-то еще, наверное, очень важное для майора, но предпочел воздержаться.

Идея еще не оформилась. Ломакин кусал губы, усердно думал. Взгляд его блуждал по карте, висящей на стене.

Вадим помалкивал, ждал решения своей участи.

— Ладно, подождем пару дней, — наконец-то проговорил полковник. — Молчание Грача может иметь самые простые причины. Например, поломка приемопередатчика, отъезд в незапланированную командировку. Как же нам нужны эти данные на вражеских лазутчиков! Вагнера надо брать, — сменил тему полковник. — Ждать от него выхода на какой-то контакт считаю вредным и опасным. Если Грач провален, то наши друзья из абвера известят об этом всех своих агентов. Тогда Вагнер может исчезнуть. Осмотрится он, обнаружит вокруг себя приветливые лица наших ребят и примет яд. Лучше синица, знаешь ли, в руках.

— Я понял вас, товарищ полковник. Вагнера возьмем в начале рабочего дня. Это все, что вы хотите сказать?

Сказать начальник контрразведки мог многое, но не стал обгонять паровоз, раздраженно отмахнулся и заявил:

— Выполняй!

ГЛАВА 2

Третьего агента из списка Грача контрразведчики взяли на следующее утро, тихо, мирно, почти по-домашнему. Форму они не надевали, не хотели глаза мозолить добропорядочным гражданам.

В клубе «Металлург», оплоте культурной жизни целого района, царила нормальная деловая атмосфера. Женщины в платочках обиходили газоны и клумбы. Каменщики заделывали поврежденную часть стены. Скрипела бетономешалка с ручной тягой, прогибалась лебедка под весом раствора в ведрах. Над входом, обрамленным помпезными колоннами, реял алый транспарант: «Избавим нашу землю от фашистской нечисти!»

В холле тоже работали строители. Они таскали носилки, мешки с цементом, выносили мусор из подвала. Здесь пахло сырой штукатуркой.

На втором этаже было тише, но из кабинета директора доносился женский голос, звучащий на повышенных тонах.

Строгая и принципиальная начальница в пух и прах разносила подчиненного:

— Василий Петрович, я не потерплю такого безответственного отношения к работе! Что с вами случилось? Стареете? Теряете хозяйственную хватку? Учтите, за нами не пропадет, мы быстро дадим дорогу молодым! А с вами будет разбираться контрольная комиссия при горкоме, в которую я непременно отправлю заявление! Ваши строители не ловят мышей. Вы в курсе? Они срывают все планы! Помещения для Дома детского творчества следовало отремонтировать еще в прошлом месяце! Из подвала лезет сырость и всякие болотные каракатицы! Я вчера поднималась на чердак и что увидела? Сквозь прорехи дует ветер. Это не крыша, а беседка для курения! Про актовый зал и ленинскую комнату я вообще молчу. Там к работе даже не приступали! Василий Петрович, я очень хорошо к вам отношусь, но это чересчур! Сегодня после обеда я буду на совещании в горкоме, и, боюсь, придется мне заострить эту тему!

Мужчина взволнованно оправдывался:

— Все наверстаем, Варвара Леонидовна. Обстоятельства сильнее нас. Причины задержки самые что ни на есть объективные. Снабженцы халтурят, присылают не то и не тогда. Людей перебрасывают на другие объекты, в бригадах старики и инвалиды, поскольку остальные на фронте. План восстановления здания был со-

ставлен абы как, не вникая в реалии и игнорируя подводные камни.

Директриса вскипела.

— Не сгружайте свои промахи на других, любезный Василий Петрович. Вам дается последняя возможность перезапустить процесс ремонтно-восстановительных работ! На вас взирает горком! Это здание необходимо людям как воздух. На следующей неделе сюда уже переезжают отделы партийного комитета. Вы хотите, чтобы важные персоны работали в отвратительных условиях? Учтите, Василий Петрович, любые оргвыводы в отношении руководства клуба втроене ударят и по вам!

Разнос был жесткий. Дрожали стены, вибрировали стекла в оконных рамах. О строгости и принципиальности директрисы клуба, имеющей устойчивые связи с местными партийными вождями, ходила молва.

Приоткрылась дверь. За порог выскользнул красный как рак представительный мужчина и, держась за сердце, засеменял к лестнице. Больше на прием никто не напрашивался.

Вадим постучал, заглянул за створку и спросил: — Можно, Варвара Леонидовна?

В кабинете царил рабочий беспорядок. Везде валялись свернутые транспаранты и прочие материалы наглядной агитации, призванные укреплять моральный дух советских людей. Книжный шкаф ломился от папок с бумагами.

На видном месте стояло третье издание собрания сочинений В. И. Ленина, тридцать томов, основательно потрепанных, явно зачитанных до дыр.

Настенный плакат изображал советского солдата, идущего в атаку. «За Родину, за честь, за свободу!» — гласила надпись на этом типографском изделии.

Под плакатом сидела солидная дама бальзаковского возраста и что-то размашисто писала перьевой ручкой. Она была широка в кости, обладала изрядным весом, могла задавить не только авторитетом. Губы ее были плотно сжаты, лицо нахмурено.

— Проходите, я сейчас закончу. — Дама, не отрываясь от письма, искоса глянула на посетителя.

— Не спешите, я подожду, — сказал Вадим и улыбнулся. — Вы очень строги, Варвара Леонидовна. Как вы убедительно отчитали подчиненного!

— Этих тунеядцев не отчитывать, а отпевать надо, — заявила директриса, обмакнула перо в чернильницу, подняла глаза и осведомилась: — Что вы хотели, товарищ? Я вас не знаю. Вы по рабочему вопросу?

— Боюсь, что да, Варвара Леонидовна. Вы задержаны, гражданка Буровская. Прошу следовать за нами. Просьба не возмущаться и не делать резких движений.

Раскрылось служебное удостоверение. Скрипнула дверь за спиной, в помещение просочились Ефремов и Пьянков.

Директриса нахмурилась, но лицо ее не дрогнуло.

— Вы в своем уме? Что вы себе позволяете? Немедленно выйдите вон! — Голос этой особы звенел как на митинге. — Я буду жаловаться товарищу Покровскому, первому секретарю горкома! У меня сегодня назначена с ним встреча!

Контрразведчик сдержал улыбку. В принципе аргументы убедительные. Грозные раскаты голоса первого секретаря горкома больно ранили людские сердца.

— Придется отложить эту встречу, Варвара Леонидовна. А если быть предельно откровенным, сомневаюсь, что она когда-либо состоится. Товарищу Покровскому теперь будет не до вас. Ему придется обелять свое имя за то, что проглядел врага.

Дрогнула капля на краешке пера, упала. На важном документе расплылась большая клякса.

— Да как вы смеете? — Директриса превращалась в пантеру, сузились щелки глаз. — Вы понимаете, на кого поднимаете руку?

— Давайте без оперетты, Варвара Леонидовна. Это вы теперь все прекрасно понимаете. К вам пришла не милиция, а третий отдел контрразведки СМЕРШ. У вас же неплохое зрение, да? Нас не волнуют махинации при стро-

ительстве, нецелое использование государственного автотранспорта и тому подобные мелочи. Вам что-нибудь говорит слово «Вагнер»? Я имею в виду вовсе не немецкого композитора, автора «Тангейзера», «Летучего голландца» и других произведений, обладающих сомнительной художественной ценностью, с точки зрения пролетариата.

Директриса словно подавилась. Испарился праведный гнев, лицо окаменело. Глаза сделались холодными, в них заблестели арктические льдинки.

Дама медленно выросла над столом. Перьевая ручка осталась на документе, чернила испачкали текст, но это уже не имело значения. Перед майором контрразведки стояла другая женщина, уже не та принципиальная советская работница, член городской партийной организации, наделенная толикой власти. Перевоплощение было разительным.

— Метаморфозы! — буркнул за спиной майора наблюдательный Ефремов. — Высшая раса, новая ступень эволюции.

— Хорошо, я пойду с вами, — ровным голосом сказала Варвара Леонидовна. — Но позвольте мне собраться, выйдите на пару минут. Я никуда не денусь, здесь нет другого выхода. Фрамуга настолько въелась в оконную раму, что ее невозможно открыть. Действует только форточка.

— Это исключено, гражданка Буровская. Забирайте эту Дюймовочку, ребята, да будьте осторожны. Общайте ее на предмет яда, которым она только что собиралась воспользоваться.

Оперативники вывели женщину из комнаты. Она не противилась, шла с поднятой головой, оттопырив нижнюю губу. В нехватке фантазии руководство абвера упрекнуть было трудно. Агент Лилия — рослый мужчина с усами. Вагнер — пусть мужеподобная, но все же женщина.

Вечером текущего дня начальник третьего отдела вновь возник перед руководством. Полковник Ломакин разломил курительную трубку и чистил ее внутренности ершиком, лишь бы руки занять. Трубку эту он не курил, предпочитал папиросы «Казбек», которые получал по какому-то особому каналу.

— Садись, майор. Курить будешь? Бери пачку, не стесняйся. У меня еще есть.

Отказываться от такого угощения было глупо. Спустя минуту кабинет главы корпусного отдела контрразведки СМЕРШ утопал в сизом дыму.

— Ты же в офицерском общежитии проживаешь? — начал издалика командир.

— Так точно! Переулок по соседству, бывшее общежитие чулочно-носочной фабрики. Комната на одного, можно храпеть сколько влезет.

— А лучший друг — будильник, — сказал Ломакин. — Напомни, что у тебя с семьей. Я запа-

мятовал. Про родителей знаю. Они похоронены в Локте. Братьев и сестер нет. А вот насчет детей, жены или какой другой женщины...

— Не знали, да запомнили, Виктор Семенович? — Вадим улыбнулся. — Семьи у меня нет и никогда, к счастью, не было.

— К счастью?

— Да.

— Возможно, ты прав, — со вздохом проговорил Ломакин. — Знаю множество людей, потерявших в этой мясорубке жен, детей, а порой и целые семьи. Гибли под бомбежками, на минных полях, под пулями карателей. Большинство до сих пор не может оправиться. Не понимают люди, как жить дальше.

— Я успею, Виктор Семенович. Кончится война, тогда и разгуляюсь. Могу спросить, чем вызван этот интерес?

— Не обращай внимания, — отмахнулся полковник. — Директрису клуба вы взяли аккуратно. Вот бы всех так. Фигура из тех, на кого не подумаешь. В отличие от первых двух она молчит. Права уже не качает, оргвыводами по партийной линии не грозит, но к делу еще не перешла. Яд у нее изъяли. Он находился в сумочке. А ведь она легко съела бы его, та еще особа. — Полковник передернул плечами. — Я уверен, что уже завтра Варвара Леонидовна начнет давать признательные показания. Итак, мы взяли троих. Все они, без сомнения, резиденты вра-

жеской разведки. Причем действовали успешно, судя по тому, что уже наговорили Шнырев и Белоконь. Это не похоже на хитроумную игру абвера.

— Вы сейчас про какую игру, товарищ полковник?

— Грача могли склонить к двойной игре, а эту троицу подбросить нам в качестве затравки.

— Не велика ли жертва?

— Вот и я о том же думаю. Нет, не срастается, майор. Такими фигурами не жертвуют. В этом нет смысла.

— Я правильно понимаю, что список Грача со вчерашнего дня не пополнился?

— Ты правильно понимаешь. Грач не выходит на связь, и это начинает нервировать. Ждали мы информацию о важных фигурах. Их разоблачение способно изменить ситуацию на фронтах, понимаешь? Если заставить их работать под нашим контролем. Размечтался я. — Полковник горько усмехнулся. — Ладно, будем работать с тем, что есть. Это Буровская, Шнырев и Белоконь. По предварительным данным, они не связаны между собой. У каждого свои подручные, тайники с рациями и собственные задачи. Эти люди работали по нашему тылу. Посмотрим, есть ли возможность их использовать. Данные военного характера своим хозяевам они практически не передавали. Для этого есть другие фигуры, и добраться до них будет

сложнее. О провале этой троицы хозяева узнают, и остальные агенты резко ограничат свою активность.

— Речь идет о наших штабах, о руководстве вспомогательных подразделений? Вы считаете, что эти люди находятся здесь?

— Курск большой город, — сказал Ломакин. — Здесь можно укрыться. Скоро начнется наступление в полосе Воронежского фронта, и эти фигуры, сводящие к нулю нашу секретность, будут крайне вредны. Время у нас есть, но оно ограничено. Не стоит забывать, что важные сведения военного характера ежедневно утекают за линию фронта. В структурах абверкоманды у нас только Грач. С ним что-то неладно. Грач не предатель. В противном случае противник использовал бы его, а не заставлял отмалчиваться. Мы обязаны выяснить, что с ним. Есть предложение забросить тебя в Локоть.

Что-то екнуло в груди у майора.

— Хорошая выдержка, — похвалил его Ломакин. — Четвертый зафронтной отдел испытывает кадровый голод. Проще говоря, там некому работать.

— А у нас есть кому?

— Это нужно именно нам. У четвертого отдела свои проблемы. Ты — один из немногих, кто знает про Фрица Карлберга. Ты — уроженец Локтя, уехал с исторической родины много лет назад, и про тебя никому ничего не известно.

Легенду можно придумать, это не проблема. Ты будешь хорошо ориентироваться в той местности. Другого способа добраться до списка Грача мы не знаем. Этот тоже не блестящий. Но бросить дело на самотек мы не можем. Есть проблема. Под каким соусом тебя подать?

— Вопрос решенный, товарищ полковник?

— Вопрос решается. Слишком много препятствий и незнания. Есть одна идея. К сожалению, исходит она не от нашего ведомства. Не буду тебя нервировать раньше времени, сам пока в тумане. Думаю, завтра появится ясность, и тебя вызовут. Ступай, майор!

На следующий день его действительно вызвали. Сухость в горле Вадима превращалась в пустыню. Ночь была беспокойной. Его преследовали призраки прошлого, мертвые родители вставали из могил, укоризненно качали головами.

Одним полковником в кабинете стало больше. Майор вошел, отдал честь, перехватил взгляд этого человека. Он был высокий, жилистый, волосы на голове практически отсутствовали. Живые умные глаза смотрели с любопытством.

— Проходи, не торчи как истукан, — проворчал Ломакин. — Познакомься, полковник Сырецкий Павел Федорович, управление армейской разведки.

Офицеры обменялись рукопожатием.

При чем тут разведка? Лучше не спрашивать. Сами объяснят.

— Вестей от Грача по-прежнему нет, — глухо проговорил Ломакин. — И что-то нам подсказывает, что уже не будет. Тема остается острой. Судьбу агента нужно выяснить. Товарищи из смежного ведомства планируют собственную операцию. Так уж совпало, что она связана с Локотским округом. Есть необходимость объединить наши действия и не расплыть ресурсы. Присядь, майор.

Сидеть на стуле Вадиму было неудобно, но сохранить спокойствие ему в общем и целом удалось.

— Приятно познакомиться, Вадим Андреевич, — сухо сказал Сырецкий. — Виктор Семенович рекомендовал вас как грамотного, опытного и волевого сотрудника. Надеюсь, так оно и есть. Сейчас я прочту вам вводную лекцию, а вы прослушайте до конца, пусть даже многое для вас не новость. Повернитесь, пожалуйста, к карте. Очень вас прошу, не надо вскакивать каждый раз, когда я прохожу мимо. Вы в курсе, кто правит в поселке городского типа Локоть, а также на окрестных землях?

— В общих чертах, товарищ полковник. Это вотчина некоего Каминского.

— Хорошо. — Острие заточенного карандаша впилося в карту. — Вы родом оттуда и собственную малую родину представляете. Запад Ор-

ловской области, территория восьми районов, в центре которых Брасовский. Здесь же находится и поселок городского типа Локоть. Это десять тысяч квадратных километров, очень даже немало. В досоветские времена часть этой земли входила в состав Комарицкой волости, принадлежала императорской семье. В Локте находилось имение великого князя Михаила Александровича, брата последнего самодержца. Впрочем, об этом вы знаете. Там фактически не было крепостного права, крестьяне не разорялись после земельной реформы. Их жизнь текла спокойно и размеренно. С подачи, разумеется, добреньких императорских персон. Иногда они могли себе такое позволить. Это не относилось, разумеется, ко всей стране. Потом пришла революция, за ней — коллективизация, и эти неженки поголовно разорились. Дворцовые крестьяне, что с них взять. Печально признаться, но в районах были сильны антисоветские настроения, людей не устраивала новая власть. Вы же сами там жили...

— Разрешите перебить, товарищ полковник. В Локте я провел лишь детство и юность. Жил в городе, состоял в пионерской, а позднее в комсомольской организации. Мои родители точно не были антисоветчиками. Но большинство окружающих нас людей действительно страдало некоторой аполитичностью. Они неохотно вступали в партию, из-под палки участвовали в общественной жизни, не понимали, зачем выхо-

дять на субботники. Но смею вас уверить, это не было повальным явлением.

— К вам никаких претензий, Вадим Андреевич. Ваша биография выше всяческих похвал. В противном случае вы не служили бы в контрразведке и не сидели бы сейчас здесь. Но давайте смотреть правде в глаза. Речь не о вас. В Брасовском районе был самый высокий по стране процент раскулаченных. В начале двадцатых там действовали антисоветские банды, и органам ГПУ приходилось несладко. Процент людей, согласившихся в сорок первом сотрудничать с оккупационными властями, тоже зашкаливал. Да, в стране уже два года наблюдается общий патриотический подъем, идет мобилизация всех сил на отпор врагу. Но будем честны. Это не относится к западу Орловской области. Локоть немцы взяли в сентябре сорок первого. Советская власть же в тех местах самоустранилась задолго до этого. Чиновники просто бежали. Партийные организации там и раньше были разобщены, засорены сомнительными элементами. Несколько недель в районе творилось безвластие — грабежи, погромы, хозяйничали банды. Возвращались раскулаченные, присматривались к своим бывшим землям, занимали дома, которые у них отобрали. Откуда-то взялась фигура Константина Воскобойника, инженера со спиртового завода. Этот махровый антисоветчик обладал организаторскими способностями, сформировал

так называемую народную милицию, стал наводить порядок. Уголовников, надо признаться, он прижал. В отряде милиции было сто человек. Собрал Воскобойник каких-то людей, назначил их старостами, депутатами, сформировал что-то вроде выборного округа. Эта вот компания и назначила его губернатором Локтя и окрестных земель. Проще говоря, сам он себя продвинул. Запом сделал Бронислава Каминского, своего дружка с того же завода. В Локте худо-бедно навел порядок. Потом нагрянули немцы. Воскобойник тут как тут, бьет челом, клянется в верности. И ведь уболтал он оккупантов. Командир авангардной танковой группы признал его полномочия и утвердил бывшего инженера в должности бургомистра всей Локотской волостной управы. Да, пробивных способностей этому типу хватало. Сначала немцы разрешили ему иметь двадцать вооруженных людей, а через две недели — уже двести. И пошла писать губерния. Он объявил местное самоуправление, создал отряды самообороны. Воскобойнику теперь подчинялись населенные пункты, прилегающие к Локтю. Там появилась вооруженная полиция. Оккупанты нарадоваться не могли. Он подпольщиков уничтожал, советских партизан загонял в глухую чашу. Войско его росло как на дрожжах. Воскобойника ценил генерал Бранд, командующий тыловым районом. Увы, у него была поддержка местного населения. Под ружье народ

шел охотно. Округ разрастался, величался теперь Локотской республикой, автономией, особым округом. Крупная административная единица рейхскомиссариата Московия, надо же! Округ делился на уезды, те — на волости. Везде собственная администрация, вооруженные отряды. Надо признаться, Вадим Андреевич, это образование действительно особое. Такого еще не было на оккупированных землях. Власть в округе принадлежит не немецким оккупационным администрациям, а местным территориальным органам. Все начальство Воскобойник назначал лично. Немцы не имели права вмешиваться в работу местной власти, могли только советовать и помогать. На сей счет был издан специальный приказ.

— С такими способностями, и только инженер на спиртовом заводе! — Полковник Ломакин иронически хмыкнул.

— Именно, — сказал Сырецкий. — Не дала наша власть ему развернуться. А тут разгулялся, шельма. Издал свою газету, укрупнил войско, написал какой-то манифест и даже собирался организовать собственную партию. Осенью прошлого года сформировал свою первую полноценную бригаду, обозвал ее Русской Освободительной Национальной Армией — РОНА. В войсках сплошь уголовная мразь и враги советской власти. Но воевать умеют. Немцы терпят. Им в принципе неплохо живется. С парти-

занами и подпольем борются другие, провиант для вермахта собирают, коммуникации охраняют. В дела округа они действительно не лезут. Впрочем, долго Воскобойник не протянул. Зимой прошлого года советские партизаны товарища Сабурова совершили внезапный бросок, атаковали дом бургомистра и полицейскую казарму, с полсотни полицейских положили. Воскобойник выбежал на крыльцо и поймал пулю. Партизаны отошли, операция удалась. У Воскобойника осталась вдова, некая Анна Вениаминовна. Она теперь в тамошней канцелярии работает, почетная, так сказать, гражданка. А вся власть перешла к Брониславу Каминскому. Неизвестно еще, что наши выгадали, прибив Воскобойника. Этот фрукт оказался еще хлеще. Теперь он великий пропагандист германского нового порядка. Действует жестоко и все же пользуется авторитетом не меньшим, чем предшественник. В округе действует строгая судебная система из трех уровней. За участие в партизанском движении — смертная казнь, за его поддержку — она же, за уклонение от службы — тоже виселица. Полиция лютует. Кстати, любопытный факт. Был у них такой начальник окружной полиции Маслянский. Лично людей пытал и расстреливал. Подпольщики немцам дезу подкинули. Дескать, воровал он золото, отобранное у населения. Те поверили и вздернули Маслянского. И еще один любопытный факт. В Локте

расположен штаб Сто второй венгерской пехотной бригады. Подразделения разбросаны по населенным пунктам. Двух венгров люди Каминского поймали на мародерстве и убийстве мельника, судили, приговорили к смерти и повесили на городской площади. Немцы резко выступили против, но Каминский не стал их слушать, поступил по-своему. И это сошло ему с рук. Немцы предпочитают не ссориться с ним. Каминский железной рукой правит в своей «республике» всего полтора года, а уже такого наворотил! Конфискует скот у населения, способствует угону людей в Германию, насильно мобилизует молодежь в свою армию. Партизан расстреливает безжалостно. Отмечены, кстати, случаи дезертирства людей из партизанских отрядов и перехода на сторону Каминского. К сожалению, это тоже факт. В населенных пунктах народ не ропщет. Жизнь полностью меняется, идет возврат к пещерному капитализму. Упразднены колхозы, возвращена частная собственность. Каминский провозглашает свободу так называемого предпринимательства, что приводит к эксплуатации. Колхозное имущество реквизировано, распределено между работниками полиции, местными раскулаченными, чиновниками аппарата власти. Службы Каминского собирают налоги, обеспечивают безопасность перевозки грузов на территории округа, снабжение немецких войск продовольствием. Единственным пла-

тежным средством, кстати, там является советский рубль. Ходят слухи, что у Каминского есть собственные склады, где он держит награбленное добро. Про насильственную мобилизацию я, кажется, говорил. Она сопровождается угрозами расправы и захватом в заложники семей уклонистов.

— Позвольте, товарищ полковник, там же действуют партизаны...

— Действовали, — поправил майора Сырецкий. — РОНА — банда уголовников, но воюет эффективно. Командный состав — бывшие кадровые офицеры Красной армии. За последние полгода Каминский дважды проводил карательные рейды против партизан и тех, кто их поддерживает. Немцы решили очистить свои тыловые районы и взвалили эту задачу на него. Надо признать, он успешно с ней справился. Ему помогали осведомители. Базы в лесах окружали, подвергали минометному обстрелу, после чего каратели зачищали местность. Уничтожались целые деревни по малейшему поводу. Если поступал сигнал, что крестьяне сотрудничают с партизанами, то люди Каминского не утруждали себя поиском доказательств. Деревни сжигали из огнеметов, население расстреливали. В ходе операции «Цыганский барон» они уничтожили больше тысячи партизан. Возможно, цифра эта завышена, но все равно итог плачевен. В ходе операции «Фогельзанг» — еще полторы тысячи

и несколько сот мирного населения. Сожжены четыре деревни. Сейчас на всей огромной территории округа действует единственный отряд советских партизан. Им командует товарищ Задорожный Федор Вячеславович, бывший секретарь райкома с Брянщины. У него меньше штабных, место дислокации — Черемичный бор. У Задорожного есть рация, и мы поддерживаем с ним связь. Помимо отряда партизан, в Локте действует небольшая группа подпольщиков, связанных с Задорожным, но уже несколько месяцев они себя ничем не проявляют. Больше советских партизан в округе нет.

— Есть какие-то другие? — осведомился Вадим.

— Да сколько хотите, — с усмешкой ответил Сырецкий. — Леса не пустуют. Никогда не слышали про диких партизан? Крестьяне бросают свои дома, уходят в лес, вступают в стычки с нашими партизанами, обстреливают бандитов Каминского. Там все смешалось, майор. В действиях многих людей просто нет никакой логики. Вы почерпнули что-то новое из моей лекции?

— Многое, — сказал Вадим. — Самое время, товарищ полковник, объяснить, к чему все это. Мне предстоит командировка на историческую родину?

— Да. Но я не закончил, слушайте дальше. К началу лета текущего года РОНА, выросшая из маленького отряда самообороны, насчитыва-

ла двадцать тысяч штыков. Это только подразделения регулярных войск. В частях имеются артиллерия и бронетехника. Могу сообщить структурный состав. Это шестнадцать укрупненных стрелковых батальонов, бронедивизион и моторизованная истребительная рота. На вооружении орудия, пулеметы, минометы. Нет недостатка в боеприпасах и автотранспорте. Оружие в основном трофейное, советское. Армия набрана из местных жителей, окруженцев и перебежчиков от партизан. Может показаться, что это рыхлое разложенное месиво, но нет. Дисциплина там действительно хромает, процветают пьянство и уголовщина, но сомневающихся нет. Эти звери драться будут до последнего, терять им нечего. Немцы используют РОНА для самой грязной работы. Дерется она лучше, чем партизаны. Войска дислоцированы поротно на территории округа. В крупных населенных пунктах — батальоны. Униформа немецкая. При каждом батальоне есть немецкий офицер для связи. А теперь к делу, Вадим Андреевич. Готовится наступление. Скоро Красная армия приступит к освобождению оккупированных районов Орловщины и Брянщины. Двадцатитысячная банда на ее пути, сами понимаете, не подарок. Она может сломать все планы. Люди Каминского не разбегутся при первом выстреле, будут рвать нас зубами. Через месяц-два их там быть не должно. С этой целью наша раз-

ведка планирует деликатную операцию. В район Локтя направляется агент НКВД Вьюн. Это Алевтина Владиславовна Каминская, родная сестра Бронислава. Не смотрите на меня с таким удивлением, майор. Алевтина больше двух лет не общалась с братом, не поддерживала никаких отношений с ним. Ее политические взгляды сильно отличаются от его. Чем она занималась, он не знает. До войны Алевтина работала медсестрой, сначала в Выборге, потом в Ленинграде. Два последних года она провела в блокадном Ленинграде, выполняя поручения своего начальства. Алевтине Владиславовне тридцать три года, мужа нет, но есть маленький сын, проживавший вместе с ней на Васильевском острове. Женщина обучена, готова выполнить задание. Наши люди вывезли ее из Ленинграда. Сейчас она находится в оккупированном Брянске на полулегальном положении. Имеются документы, легенды, все необходимое для того, чтобы сбить с толку Каминского и усыпить его бдительность. В Локте у вас своя миссия, у нас — своя. Зачем посылать двоих, если можно одного — с двойной, так сказать, миссией? В сроках не ограничиваем, но задания должны быть выполнены. У вас будет все необходимое. Технические детали обсудим.

— Вы верите сестре Каминского?

— Вы полагаете, что яблоко от яблони недалеко падает? Она воспитана иначе, проверена

в деле. Не могу дать стопроцентную гарантию, что при виде брата в ней ничего не шелкнет, но в Ленинграде под охраной НКВД останется ее пятилетний сын. А ребенка Алевтина любит. Поверьте, никакие сестринские чувства к предателю того не стоят.

— Вам есть что предложить Каминскому?

— Да, Алевтина должна поговорить с ним с глазу на глаз. Ей предстоит убедить брата перейти на сторону Советской власти. За это Каминский станет генерал-майором и Героем Советского Союза. Всем его людям гарантируются полная безопасность и сохранение воинских званий.

— Вы действительно собираетесь это сделать? — Вадим оторопел.

Полковники деликатно помалкивали. Только ироничные улыбки скользили по их губам.

— Согласен, Вадим Андреевич. Звание Героя Советского Союза для предателя, погубившего тысячи советских жизней, — это перебор. Каминский будет долго смеяться. Я уже пытался переубедить свое начальство и постараюсь это сделать снова. Что же касается всего остального...

Снова повисла многозначительная пауза.

В памяти Вадима возник приснопамятный Нестор Иванович Махно. Батка принял ключевое участие в освобождении Крыма от Врангеля, а впоследствии был репрессирован вместе со всей армией. И ведь повелся Нестор Иванович.